

XIV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА»

ОБЗОР ПАНЕЛИ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ»

Ключевые слова: международная научная конференция, НИУ ВШЭ, политические процессы

2—5 апреля 2013 г. в Москве состоялась XIV Международная научная конференция «Модернизация экономики и общества», проведенная Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда. В рамках секции «Политические процессы» совместно с исследовательским комитетом «Political power» Международной ассоциации политической науки была организована панель «Политическая власть», включавшая в себя четыре сессии: «Концепция власти и демократия», «Власть в локальных сообществах», «Мягкое право и политическая власть», «Власть, насилие и права человека», на которых были заслушаны 12 докладов.

В своем выступлении *Марк Хаугард* (Национальный университет Ирландии, Гэлвэй) вернулся к известным дебатам о «лицах власти», начатым П.Бахрахом, М.Баратцем и С.Луксом. Последовательно рассмотрев каждое «лицо», он, вслед за Э.Аллен, поместил их в концептуальную схему «власть для (power to) — власть над (power over) — власть вместе (power with)». Главная идея доклада заключалась в том, что «лица власти» («власти над») могут не только выступать основанием господства и принуждения, но и обеспечивать стабильность правовой системы и демократических институтов.

«Власть над» и «власть для» принято противопоставлять в нормативном плане: первая обычно ассоциируется с насилием, тогда как вторая считается «освобождающей». Однако, по мнению Хаугарда, «власть над» имеет дуальную природу. Если она опирается на структуры и институты, поддерживающие демократические практики, ее неправомерно отождествлять с господством и «игрой с нулевой суммой», поскольку воспроизводство демократических норм сохраняет за подчиняющимся актором возможность реализовать свои интересы. Характеризуя подобную власть как «совместную» (concerted power), Хаугард вскрывает ее

отличия от тех версий «власти над», при которых объект властных отношений выступает инструментом достижения целей субъекта.

Обозначенный в докладе подход не только меняет нормативное отношение к «власти над», но и расширяет спектр задач при изучении власти. Исследование не должно ограничиваться анализом механизмов господства и возможностей их ограничения; оно должно продемонстрировать, как один и тот же процесс осуществления власти может быть желательным или нежелательным, способствующим поддержанию демократических практик или препятствующим им.

Концептуальные аспекты изучения власти рассматривались и в выступлении *Валерия Ледяева* (НИУ ВШЭ, Москва). Оценивая зарубежный опыт эмпирического исследования власти в локальных сообществах, докладчик показал, как понятийные предпочтения влияют на характер исследования, его результаты и выводы.

На протяжении долгого времени при изучении локальных сообществ доминировала веберовская традиция концептуализации власти, в рамках которой последняя понималась как «власть над» и ее обязательными атрибутами считались конфликт между субъектом и объектом, асимметрия и «нулевая сумма». При этом спектр подходов оставался достаточно широким и зависел от решения ряда концептуальных проблем, связанных с выбором между диспозиционной и эпизодической трактовками власти, объяснением роли структурных факторов во властных отношениях и включением/невключением в число обязательных признаков власти намерений субъекта и конфликта интересов.

Концептуальные предпочтения отразились в моделях, используемых представителями различных школ в изучении власти в локальных сообществах. Плюралисты обычно определяют власть как деятельность феномен, когда субъект добивается реализации своих интенций, преодолевая открытое сопротивление объекта. Элитисты и марксисты чаще интерпретируют власть как некий потенциал, возможность, обусловленную институциональными и структурными факторами, уделяя большое внимание скрытым (неактуализированным) формам власти. В настоящее время понятийные разногласия между исследователями несколько сгладились в связи с доминированием теории «городских режимов», предложившей сбалансированную трактовку власти, сочетающую элементы концепций «власти над» и «власти для».

Алла Чирикова (Институт социологии РАН, Москва) посвятила свое выступление оценке значимости формальных и неформальных ресурсов ведущих акторов городской политики: мэров, руководителей районов, бизнес-элиты, силовых структур. Ее анализ опирался на материалы 44 глубинных интервью с ключевыми представителями власти и бизнеса в двух городах Пермского края.

Результаты проведенного Чириковой исследования подтвердили изначальную гипотезу, согласно которой наличие необходимых

формальных ресурсов не гарантирует полноты реальной власти: только сочетание формальных и неформальных ресурсов способно обеспечить потенциал влияния на ситуацию в городе. Поэтому городские лидеры стремятся к созданию неформальных объединений локальных элит, рассчитывая тем самым получить дополнительный рычаг управления политическими процессами на соответствующей территории. Неформальные практики позволяют быстрее решать многие вопросы, а также эффективнее сглаживать конфликты между политическими акторами.

Исследование показало, что потенциал влияния руководителя города может варьировать. В одном из городов мэр безусловно доминировал в городской политике, в другом он пользовался меньшим влиянием, чем некоторые члены его команды. Но в любом случае лидерство не достигается автоматически, а становится результатом постоянных усилий, борьбы и умения находить оптимальные формы взаимодействия с другими влиятельными акторами.

Темой доклада *Дмитрия Сельцера* (Тамбовский государственный технический университет) стал сравнительный анализ «учредительных выборов» в Македонии и России, выявивший как сходство, так и различия в развертывавшихся в этих странах политических процессах. В обоих случаях выборы имели базовые ограничения, в России — большие, в Македонии — меньшие. Элиты не были последовательны в использовании данного инструмента «учреждения» демократии. В России парламентские выборы прошли лишь после известных событий 1993 г., поэтому их можно квалифицировать как «отсроченные». В Македонии классически демократическим путем был сформирован лишь парламент страны; президент был избран парламентом.

Основные различия учредительных практик двух стран заключаются в том, что процесс демократизации в Македонии протекал значительно быстрее, последовательнее, целеустремленнее — и политически бесконфликтно. Страна избежала разделения на «красных» и «белых». Политические партии играли и продолжают играть огромную роль в политике, происходит постоянное обновление политических элит. В России же конфликты и разделение общества стали ключевыми характеристиками политической реальности 1990-х годов.

Новые аспекты в функционировании политической власти в связи с изменениями в правовой системе рассматривались в выступлении *Юрия Фогельсона* (НИУ ВШЭ, Москва). По мнению докладчика, в настоящее время разрушается монополия государства не только на правотворческую, но и на правоприменительную функцию. Правовой монизм исчерпывает свои возможности, и мир постепенно переходит от моноцентрических к полицентрическим правовым системам. Вполне вероятно, что в перспективе сформируется некая глобальная полицентрическая правовая система, в которой ссылки на суверенитет станут иррелевантными как политически, так и юридически.

Эта ситуация порождает ряд новых проблем во властных отношениях. Более того, ставится под сомнение сам принцип верховенства права. Важнейшей чертой правового монизма является возможность обеспечить определенность права и предсказуемость поведения как власти, так и тех, над кем она осуществляется; в рамках полицентрической правовой системы добиться этого гораздо сложнее.

Анализ влияния на власть новых тенденций в развитии правовых систем был продолжен *Лучо Пиччи* (Болонский университет, Италия), обратившим внимание на взаимосвязь репутационных стимулов с «жестким» и «мягким» правом.

В понимании сущности международного права доминируют два основных подхода. Одни исследователи полагают, что его можно считать «правом» лишь с большими натяжками, а договоры представляют собой не более чем выражение определенных интенций государств; другие убеждены, что оно остается «правом» даже при отсутствии механизмов централизованного принуждения к выполнению обязательств, ибо их компенсируют сильные репутационные стимулы. В докладе предлагается иная трактовка международного права, которое рассматривается как институт, генерирующий информацию о предпочтениях и возможностях государств. Этот институт весьма эффективен, поскольку, вопреки сильной информационной асимметрии, достигается адекватность информации; в то же время он экономичен и позволяет избегать дублирования в действиях государств. Его значимость обусловлена тем, что генерируемая им информация делает предсказуемым поведение государств, что, в свою очередь, гарантирует поддержание международного порядка через стимулирование кооперации и обеспечение безопасности.

Доклад *Вадима Дамье* (НИУ ВШЭ, Москва) был посвящен эволюции экологического движения в Западной Германии и его взаимоотношениям с политической властью. Будучи одним из «новых социальных движений», ставших своеобразными историческими преемниками «бунта конца 1960-х», оно дает исследователям богатый материал для изучения феномена социального протеста и общественных движений вообще. Как и другие аналогичные движения, экологическое движение родилось из недовольства граждан бюрократическими тенденциями «социального государства». Возникший «кризис легитимации», подтачивавший принципы представительной демократии, вызвал к жизни так называемые гражданские инициативы, посредством которых люди пытались донести до власти свои требования. Обострение экологических проблем и растущее осознание угрозы экологического кризиса способствовали активизации гражданских инициатив, связанных с защитой окружающей среды. От просьб и петиций (против сооружения АЭС и т.д.) движение перешло к массовым акциям уличного протеста и гражданского неповиновения, от напоминания государству

о своих нуждах — к действиям вопреки государству и против него. В рамках движения формировались новые ценности и основанные на них концепции общественного устройства — от сочетания элементов представительной и прямой демократии до полного отказа от первой в пользу второй.

В ходе попыток совместить представительную и прямую демократию была создана партия зеленых, первоначально как «парламентское дополнение» экологического движения. Но включение в систему представительства имело свою логику и постепенно привело партию, не желавшую рисковать электоральными результатами, к интеграции в существующие политические механизмы. В новой социальной, экономической и политической обстановке 1990-х годов экологическое движение в Германии пошло на спад. Тем не менее его опыт, методы и установки оказали существенное влияние на последующие формы протестных движений.

В докладе *Ирины Соболевой* (НИУ ВШЭ, Москва) анализировались мотивация и механизмы мобилизации участников антиправительственных протестов и проправительственных митингов в Москве в 2011—2012 гг. В основу доклада легло проведенное под руководством Соболевой эмпирическое исследование, нацеленное на изучение структурной и коммуникационной разницы между выходящими на митинги в поддержку режима и оппозиционерами.

Исследование показало, что оппозиционерами двигала прежде всего нетерпимость к фальсификациям и коррупции, тогда как мотивация сторонников власти определялась в первую очередь поддержкой В.Путина и убежденностью в том, что страна развивается в правильном направлении. Важное различие между участниками про- и антивластных митингов заключалось в предпочитаемых каналах коммуникации. Наиболее «просвещенным» оказалось «ядро» оппозиции: его представители воспринимают интернет как аналог прямого общения, тогда как другие респонденты (включая периферию протеста) предпочитают обсуждать политику лично, а не онлайн. Согласно результатам исследования, оппозиция и власть радикально расходятся только по трем показателям: (1) отношение к Путину, (2) признание/отрицание фальсификаций, (3) оценка «правильности» направления развития страны. По большинству социальных и экономических параметров, а также практически по всем демографическим различия между ними несущественны.

В докладе *Александра Сунгурова* и *Екатерины Глуховой* (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) был представлен анализ функционирования института Уполномоченного по правам человека в условиях подъема общественно-политической активности зимой-весной 2011/2012 гг. В этот период требование соблюдения политических прав человека, в первую очередь права на честные и справедливые выборы, впервые

стало выдвигаться не отдельными «продвинутыми» гражданами, а десятками и сотнями тысяч жителей нашей страны. Как в этой ситуации повели себя уполномоченные по правам человека? Как проявилась их функция посредника между обществом и властью в условиях массовых митингов и шествий? Стали ли они наиболее открытой для требований граждански активных групп населения частью государственного аппарата? Проведенное авторами доклада эмпирическое исследование обнаружало, что наиболее чувствительными к изменению общественно-политической активности населения оказались те уполномоченные по правам человека, которые и раньше уделяли существенное внимание не только *ре-*, но и *про*активной составляющей своей деятельности, несмотря на большой поток жалоб и обращений, на которые им всегда приходилось оперативно реагировать.

В дальнейшем докладчики планируют выявить возможные корреляции между характером деятельности уполномоченных по правам человека и предшествующим опытом их работы и установить, насколько их позиция зависит от того, с каких должностей они пришли на пост уполномоченного — из депутатского корпуса, из органов исполнительной власти, из силовых структур или из других сфер.

В выступлении *Александра Нездюрова* (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) рассматривались проблемы правового регулирования деятельности государства по защите населения от разнообразных форм насилия. По заключению докладчика, эффективность данного направления государственной деятельности во многом зависит от степени доверия к правоохранительным и силовым структурам, а также от возможностей и ресурсов гражданского общества, СМИ и интернет-сообществ. Обеспечить это могут постоянные «переговорные площадки», институт медиаторов и четкая система гражданского контроля над правоохранительными и силовыми структурами. В пользу указанных мер свидетельствует международный опыт, а также оценки экспертов из правозащитного, медийного и юридического сообществ. Однако представители правоохранительных и силовых структур настаивают на дополнительном правовом регулировании и усложнении правоприменительных методик.

Григорий Лукьянов (НИУ ВШЭ, Москва) затронул проблему восприятия прав человека в развивающихся странах Азии и Африки, обратив внимание на то, что многие положения, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека, не только не находят отклика у населения некоторых стран региона, но и вступают в конфликт с устоявшимися нормами общественной жизни.

С точки зрения докладчика, феномен прав человека необходимо рассматривать не только как правоприменительную или «правонарушительную» практику, но и как элемент политического дискурса. На основании результатов контент-, ивент- и дискурс-анализа документов, выступлений и заявлений политических деятелей, материалов СМИ,

а также отчетов и докладов исследовательских центров и неправительственных организаций им был сделан ряд выводов относительно ситуации с правами человека в Ливии в период пребывания у власти М.Каддафи (1969—2011 гг.) и Переходного национального совета (2011—2012 гг.). Было показано, что конструкты, которые при Каддафи именовались правами человека, оказались включены в базовый набор ценностей, сохранившихся в политической культуре Ливии после крушения джамахирии. Однако число массовых казней, убийств, пыток и т.д. при новом режиме только возросло, то есть права человека в западном понимании стали нарушаться еще сильнее. При этом реализуются те права, которые прижились благодаря «Зеленой книге» и «Зеленой декларации прав человека» Каддафи, прежде всего право на революцию, право на самоуправление и право на войну.

О различиях в понимании прав человека на Западе и Востоке шла речь и в выступлении *Алексея Рябинина* и *Софьи Рагозиной* (НИУ ВШЭ, Москва), посвященном правам женщин в исламском мире. После небольшого экскурса в историю и традиции ислама авторы доклада обратились к сравнительному анализу ситуации с правами женщин в Египте и Тунисе — двух наиболее «продвинутых» в этом вопросе странах Ближнего Востока и Северной Африки. Проведенное ими исследование показало, что во второй половине XX — начале XXI в. было много случаев нарушения прав женщин, связанных в первую очередь с патриархальностью, сохраняющейся в политической культуре Египта и — в меньшей степени — Туниса. Однако после прихода к власти в этих странах умеренных исламистов там не было принято никаких «репрессивных» законов в отношении женщин.

М.Хаугард, В.Ледяев, А.Владимирова